

Международная конференция
«Даниил Хармс: поэтика, история, контексты»
(Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского,
Санкт-Петербург, 16–17 мая 2025 года)¹

DOI: 10.53953/08696365_2025_196_6_423

16–17 мая 2025 года в Русской Христианской Гуманитарной Академии состоялась международная конференция «Даниил Хармс: поэтика, история, контексты», приуроченная к 120-летию писателя и поэта Даниила Хармса (1905–1942). Заседание открылось приветственным словом ректора РХГА *Дмитрия Богатырева*, а также приветственными выступлениями членов оргкомитета. Программа включала доклады, посвященные различным аспектам изучения творчества Хармса — от биографии и творчества до музеефикации хармсовского наследия. На конференции собрались ведущие отечественные специалисты в области хармсоведения, а также зарубежные ученые из Швейцарии, Сербии, Румынии и Франции.

Первый день конференции начался с погружения в историю отечественного авангарда. В докладе ведущего хармсоведа *Жана-Филиппа Жаккара* (Женевский университет, Швейцария) «От “черного квадрата” до рыжего человека. Об одной философской катастрофе» были подробно рассмотрены пересечения между творческими поисками Даниила Хармса и Казимира Малевича. Начав свой доклад с вопроса «Следовало ли бояться “Черного квадрата”?», Жаккар предложил проследить историю взаимоотношений Хармса и Малевича. Свои первые поэтические шаги Хармс сделал в середине 1920-х, будучи весьма близок к Малевичу, как в конкретных рамках практического и организаторского сотрудничества, так и на теоретическо-эстетическом уровне. По словам исследователя, в 1920-е годы у Хармса можно обнаружить ту же логику «негативного представления», которая была характерна для ранних авангардистов, занимавшихся беспредметным искусством. Концепты «ноль», «бесконечное», «тотальность», «чистота», возникающие в хармсовских текстах, стали плодом внимательного изучения идей Малевича. Однако в 1930-е годы поколение, к которому принадлежал Хармс, переживает крушение утопических построений исторического авангарда и на его руинах выстраивает философию и эстетику абсурда.

Докладчик проиллюстрировал свой тезис хрестоматийным произведением Хармса из «Голубой тетради №10» о рыжем человеке, в котором остается одно лишь абсолютное «Ничто». Проза Хармса — это, прежде всего, проза отсутствия, причем отсутствия и той связи, которой надлежало представлять тотальность частей мироздания в связности — связности, представлением которой надлежало быть «Черному квадрату». Для позднего Хармса беспредметность становится способом выражения абсолютного «ничего», «отсутствием любого присутствия», что и являлось «философской катастрофой», имевшей экзистенциальные последствия.

Один из ключевых публикаторов и комментаторов Даниила Хармса *Валерий Сажин* (независимый исследователь, Санкт-Петербург) выступил с докладом «II Разрушение». Одна из частей выступления была посвящена теме «Хармс как религиозный писатель». Докладчик подчеркнул, что в отношении религиозности Хармса

1 Обзор подготовлен в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 24–28–01177, <https://rscf.ru/project/24-28-01177/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

остается много лакун. Например, не изучены хармсовские пометы в Библии — писатель подбирал собственные «параллельные места» к фрагментам Нового Завета, — также не были исследованы и многие другие артефакты, которые могли бы раскрыть природу религиозной мысли писателя. Во второй части доклада Сажин выделил, на его взгляд, наиболее существенные направления «разрушительной деятельности» Хармса. Прежде всего, писатель разрушает привычный облик русской литературы. Хармс вводит в литературу произведения с отсутствующими мотивировками. Это касается и детских произведений Хармса, таких как «Миллион». О том, каковы были причины этого и почему писатель избрал именно такой художественный метод, Сажин пообещал рассказать в докладе, посвященном уже 125-летию Даниила Хармса.

Феликс Кувшинов (ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк) в докладе «Стихотворение Д.И. Хармса “Утро” (к истории и логике создания)» проанализировал мотивную структуру в стихотворении «Утро (пробуждение элементов)». Это стихотворение, по словам Кувшинова, явилось результатом особых творческих усилий поэта, длившихся в течение одной «поэтической» недели (с 11 по 18 января 1930 года). В отличие от предшествующих текстов этого периода, для которых характерны нервозность, неустроенность, обреченность, «Утро» представляет бытие как торжество мировой гармонии, в основе которой находится Бог. Единство божественного, человеческого, животного, растительного и даже неживого (горы) создает атмосферу спокойствия и в то же время осмысленности. «Славословие», которым оканчивается «Утро» может пониматься как восхваление не просто нового дня, а Бога.

Докладчик предположил, что это стихотворение является своего рода поэтической иллюстрацией философских идей Хармса о строении мира. Вторая часть произведения называется «пробуждение элементов», что Кувшинов считает отсылкой к трактату Хармса «I. О существовании...», где писатель вводит категории «это», «то» и «препятствие»: «Единая пустота, испытывая некоторое препятствие, раскалывается на части, образуя троицу существования. Препятствие является тем творцом, который из “ничего” создает “нечто”. <...> Прочтя предыдущее размышление, нам делается понятно учение о ипостаси: Бог един, но в трех Лицах»². В отношении бытия, включающего в себя и материальный, и нематериальный мир, Хармс придерживается идеалистической позиции.

Доклад Дмитрия Токарева (независимый исследователь, Экс-ан-Прованс, Франция) «“Так говорил я себе о старухе”: “Старуха” Хармса и “Стереоскоп” Александра Иванова» был построен на интертекстуальном анализе, дополняющем литературную генеалогию хармсовской «Старухи». По словам Токарева, от исследователей ускользнул один из претекстов хармсовской повести — написанный в 1905 году «Стереоскоп» Александра Иванова. Докладчик акцентировал внимание на переключках текста Иванова со «Старухой» Хармса на уровне построения сюжета, а также системы образов. У Хармса, как и в новелле Иванова, старуха оказывается триггером памяти, образом вернувшегося прошлого. Доклад вызвал оживленную дискуссию, в рамках которой Александр Кобринский высказал сомнение в правомерности утверждать, что на Хармса мог повлиять малоизвестный текст предреволюционных годов, написанный автором второго ряда. Кобринский отметил, что в записных книжках Хармса отсутствуют следы чтения данного произведения. Тем не менее, по словам докладчика, мотивная структура двух текстов очень похожа и выходит за рамки только лишь типологических сближений.

2 Хармс Д.И. Полное собрание сочинений в 4 т. Т. 4: Неизданный Хармс. Дополнения к т. 1–3: Трактаты и статьи. Письма. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2001. С. 31, 35.

В докладе *Анны Герасимовой* (независимая исследовательница, Москва) «О черновиках Хармса» были представлены наблюдения, касающиеся особенностей творческой работы Хармса и его психологии письма. По словам Герасимовой, то, что производит впечатление спонтанного творческого процесса, на деле является результатом кропотливой работы над текстом. Приведя примеры вычеркнутых сцен и отвергнутых фрагментов в рукописях Хармса, Герасимова подчеркнула особенность работы автора над замыслом. Он часто вычеркивает и бракует рискованные моменты, как в случае с незавершенным рассказом про Лидочку и старика: «Хотел написать гадость и написал. Но дальше писать не буду, очень уж гадко». Правка такого рода имеет отношение к той незавершенности, удерживанию себя от решительного шага, иными словами — неосуществлению чуда. По наблюдениям Герасимовой, с возрастом Хармс-прозаик преодолел свою нерешительность — его поздние рассказы находятся далеко за гранью допустимого/дозволенного в области насилия и пола.

Специфику хармсовской работы над произведениями, его многочисленные правки и пометы в черновиках Герасимова сравнила с черновиками Александра Введенского. По словам исследовательницы, разница между рукописями Хармса и Введенского — простая и основополагающая: Хармс все время правит текст, Введенский пишет практически набело. При этом, когда Хармс в 1930-е переходит от стихотворений к прозе, то ситуация меняется — прозу он пишет прямо готовую, как надиктованную, с минимальными исправлениями.

Алексей Дмитренко (издательство «Вита Нова», Санкт-Петербург) выступил с докладом «*Даниил Хармс и компания: к истории будущего музея “случаи и вещи”*», в котором рассказал об истории собирания коллекции мемориальных предметов, связанных с писателем, его рукописей и документов. Среди архивных находок Дмитренко отметил дневник отца Даниила Хармса Ивана Ювачева, редкие детские фотографии Хармса, его личные вещи (радиоприемник, шкаф). Докладчик также затронул важную тему музеефикации наследия обэриутов и упомянул о планах создания в Петербурге музея Александра Введенского. Дмитренко выразил надежду, что организаторы этого музейного проекта смогут довести его до конца и представить публике уже в ближайшие годы.

Текстология Хармса и его биография стали предметом исследования профессора *Александра Кобринского* (ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) / РХГА, Санкт-Петербург). В докладе «*Хармс и его женщины*» исследователь обратился к дневниковым записям Хармса с целью проанализировать закономерности в отношениях писателя с женщинами: кто его интересовал и почему, как он сам воспринимал женщин в своей жизни. Позиционируя данное исследование как часть комментирования дневников и записных книжек Хармса, Кобринский осветил несколько конкретных случаев любовных романов писателя, подробно останавливаясь на биографиях некоторых его возлюбленных.

Хотя центральной фигурой на конференции обоснованно являлся Даниил Хармс, внимание было уделено и другим представителям ОБЭРИУ. *Алина Митрофанова* (РХГА, Санкт-Петербург) посвятила свой доклад «*Николай Олейников — “оглашенный при ОБЭРИУ”*» истории взаимоотношений Олейникова с обэриутами. Затрагивая вопрос о поэтике Олейникова, Митрофанова упомянула его опыты в создании литературных масок, от лица которых Олейников переосмыслял «га-лантерейный язык» XIX века и «речь обывателя».

Тема эсхатологии в лирике Хармса была проанализирована *Бьянкой Кирилэ* (независимая исследовательница, Бухарест, Румыния) в докладе «*Мотив апокалиптического пиришества в лирике Даниила Хармса 1930 года*». Исследовательница обратилась к стихотворению «I Разрушение», которое, как известно, написано по случаю изменений в советском рабочем календаре — перехода на пятидневную тру-

довую неделю в 1929 году. Хармс трактует эту реформу не только как десакрализацию неподвластного человеку времени, но и как вмешательство государственной власти в божественный порядок Времени. Закономерно, считает Кирилэ, ряд стихотворений Хармса 1930-х годов преподносит читателю тему катастрофы. В этот период нередко появляется тема бушующего водного катаклизма, смерти, апокалипсиса. Эти поэтические образы, темы и мотивы, как отмечает Кирилэ, были обусловлены культурно-историческим контекстом.

В продолжение интертекстуальной темы на конференции прозвучал доклад *Тимура Хайрулина* (РХГА, Санкт-Петербург / ГМИРЛИ им. В.И. Даля, Москва) «От абсурда к нонсенсу: Даниил Хармс и Льюис Кэрролл в битвах со смыслами», в котором речь шла о влиянии творчества Льюиса Кэрролла на Хармса. Как утверждает Хайрулин, в пьесе «Елизавета Бам» Хармс позаимствовал идею «обратного» течения времени из второй книги Кэрролла «Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье», как и мотив наказания без преступления, который встречается в «Алисе в Стране чудес». Хронологический казус, темпоральный сдвиг, разбивающий привычные цепочки причинно-следственных связей — это то, что могло привлечь Хармса в Кэрролле и что первый мог использовать в своем раннем творчестве.

Сцену суда из кэрролловской сказки Хайрулин считает парадигматической, повлиявшей на такие произведения XX столетия как «Процесс» Франца Кафки и «Приглашение на казнь» Владимира Набокова. Хармсовская пьеса «Елизавета Бам» оказывается в этом же ряду текстов, осмысливших человеческое существование сквозь призму судебно-юридической метафоры. Кэрролловский нонсенс проник в драматургическое произведение Хармса, что вполне закономерно, ведь его пьеса является обэриутским программным манифестом, вобравшим в себя опыт алогизма других авторов.

Второй день заседания был отмечен обращением к контексту эпохи, в которой происходило становление и развитие Даниила Хармса. Акцент был сделан на исследовании биографических аспектов наследия писателя, истории его семьи, литературных контактах. В то же время обратили на себя внимание литературоведческие исследования, в которых анализировались стиховедческие и интертекстуальные аспекты творчества Хармса.

Юрий Орлицкий (ИФИ РГГУ, Москва) в докладе «Верлибры у Хармса» рассмотрел стихотворные произведения поэта, полностью написанные свободным стихом или с его использованием. Исследователь отметил, что интерес Хармса к верлибру начинается с начала 1920-х годов. В этот период поэт пишет по одному верлибру в год, а вот в 1929–1933 годы создается наибольшее количество подобных стихотворений. При этом в самый ранний период у Хармса встречаются переходные тексты, которые находятся в промежуточной зоне между свободным стихом и гетероморфным. Самым ранним образцом чистой формы, целиком написанным свободным стихом, следует считать «Нетеперь» (1930). Хармсовский свободный стих ориентировался как на «уитменовскую» модель, так и на французскую. Как отмечает Орлицкий, можно даже говорить о жанровых предпочтениях Хармса — тексты, которые он называет молитвами, генетически восходят к молитвословному типу стиха. Всего в основном корпусе хармсовских произведений Орлицкий насчитывает как минимум 67 текстов, которые в разной степени сопоставимы со свободным стихом, что, по подсчетам исследователя, является третьей (после Хлебникова и Кузмина) авторской группой русского верлибра в рамках поэзии Серебряного века.

Оживленный интерес у аудитории вызвали наблюдения исследователя, касающиеся контекста появления верлибра у Хармса именно в начале 1930-х годов.

Орлицкий отметил, что, вероятно, это было общей тенденцией в литературе, поскольку верлибры встречаются в этот же период у Николая Заболоцкого, Георгия Оболдуева и Михаила Малишевского.

Игорь Лоцилов (Институт филологии СО РАН, Новосибирск) в докладе «*“Марш конца вещей”: между водевилем и “Илиадой”*» представил интерпретацию стихотворения «Осса». Стихотворение датировано 6 августа 1928 года и было написано под воздействием эфира, употребление которого в случае Хармса было единичным эпизодом, в отличие от Александра Введенского. Анализ, представленный в докладе, позволяет выявить источник ряда образов, связанных с одним из имен, упомянутых в стихотворении. По мнению Лоцилова, возникающая в тексте фамилия Каратыгин указывает на Петра Андреевича Каратыгина, написавшего комедию-водевиль «Чудак-покойник, или таинственный ящик», которая дважды появлялась в печати (в 1841 и 1880 годах).

Результаты архивных исследований, посвященных жизни и творчеству Хармса и его литературного окружения представила *Юлия Валиева* (СПбГУ / РХГА, Санкт-Петербург). В докладе «*Хармс и Заболоцкий у “Осьминогов”*» исследовательница рассказала об истории ленинградских кружков и неформальных объединений, близких к обэриутам. Воспоминания Дмитрия Максимова раскрывают важные подробности существования домашнего кружка «Осьминог», в котором выступал Хармс. Архивные материалы позволяют дополнить биографический портрет Хармса, в том числе уточнить особенности его манеры чтения стихов. Также Валиева рассказала о деталях знакомства Максимова и Заболоцкого.

Об истории создания советского комикса на материале журналов «Еж» и «Чиж» рассказала *Ирина Антанасиевич* (Белградский университет, Сербия). В докладе «*Иван Топорышкин как комикс-персонаж*» исследовательница остановилась на теме путешествия комикс-персонажей Ивана Топорышкина и Макара Свиного, отметив, что в детской литературе 1920-х годов эта тема была довольно частой. Мотив путешествия активно использовался советской пропагандой, чтобы отобразить положение Советского Союза на международной арене. Имеет свою традицию и прием создания сквозного персонажа для журнала — исследовательница рассказала о герое французского комикса репортере Тинтине, взятом в качестве модели создателями «Мурзилки» и «Крокодила». В этом контексте Антанасиевич рассматривает и появление персонажа Ивана Топорышкина, который становится героем постоянных рубрик журнала «Еж», причем его внешний облик воспроизводит черты самого Хармса.

В докладе *Татьяны Никольской* (независимая исследовательница, Санкт-Петербург) «*Прямо-наоборот, или три дворника*» была рассмотрена история влияния творчества Хармса на отечественную рок-культуру. В частности, Никольская подробно проанализировала примеры обращения к текстам обэриутов в творчестве Леонида Федорова, лидера группы «АукцЫон». Анализируя альбом «Постоянство веселья и грязи», записанный Федоровым совместно с Игорем Крутоголовым, Никольская обратилась и к другим музыкальным интерпретациям этого стихотворения. К хармсовскому стихотворению «Постоянство веселья и грязи» впервые обратилась группа «Странные игры» в 1983 году. В 1989 свою версию сделала другая ленинградская группа «Знаки препинания». По словам Никольской, в стилистике, напоминающей обэриутов, сочиняли и продолжают сочинять свои песни многие группы отечественной музыкальной сцены.

Петр Казарновский (независимый исследователь, Санкт-Петербург) в докладе «*Владимир Эрль в работе над Бременским собранием Д. Хармса*» сосредоточил внимание на текстологической работе с хармсовским наследием виднейшего представителя неподцензурной словесности — Владимира Эрля (Владимир Иванович

Горбунов). Казарновский представил обзор этапов его деятельности, результатом которой стало подготовленное совместно с Михаилом Мейлахом бременское Собрание произведений Хармса (1978–1988). Особое внимание было уделено рукописной тетради, в которую Эрль скопировал знаменитый «гроссбух» Хармса. Автор считает, что есть все основания предполагать, что через руки Владимира Эрля прошли все тексты Хармса — в рукописях или фотографиях — и что все они им были переписаны или перепечатаны. Часто Эрль, пользуясь помощью друзей, прибегал к фотосъемке, воспроизводя в точности все хармсовские исправления. В рамках доклада Казарновский показал факсимильно воспроизведенные рукописные копии и машинописи, в том числе принадлежавшие литературоведу, текстологу и архивисту Николаю Харджиеву, который был лично знаком с Хармсом.

Творчество Хармса оказало значительное влияние на последующее развитие литературы. Никита Трофимов (СПбГУ) в докладе «*“Хармсовский текст” в творчестве Южинского кружка на примере рассказа “Бабушка” Е.В. Головина*» продемонстрировал, как произведения Хармса повлияли и на членов Южинского кружка. Сопоставляя «Бабушку» Головина и «Старуху» Хармса, Трофимов пришел к выводу, что у Евгения Головина образ старухи, возникающий в ряде головинских текстов, всегда связан с потусторонним миром. Головина интересовал мотив оживления мертвого, его рассказ «Бабушка» наполнен гротескными образами и временными сдвигами, характерными именно для хармсовской прозы. Впрочем, Трофимов касался, скорее, типологических пересечений между Головиным и Хармсом. Татьяна Никольская, комментируя доклад, внесла важные уточнения, отметив, что в Южинском кружке могли знать тексты Хармса. В частности, Владимир Пятницкий общался с филологом Николаем Котрелевым, который мог сообщить о хармсовских произведениях.

Помимо историко-литературных исследований на втором заседании конференции прозвучали доклады, в которых творчество Хармса анализировалось в литературоведческом ключе. Так, Елена Панкратова (Смоленский государственный университет) в докладе «*Проблема художественного пространства в творчестве Д. Хармса*» подвергла имманентному анализу стихотворения Хармса с точки зрения функционирования в них категории пространства. По мнению Панкратовой, универсальные оппозиции «верх-низ» определяют параметры мира Хармса. При этом исследовательница высказала предположение, что хаотичность художественного мира Хармса может быть истолкована как одновременное существование объектов в разных формах и в разных точках пространства.

В свою очередь Данила Сидоров (Смоленский государственный университет) в докладе «*Принцип “заражения” в творчестве Даниила Хармса*» рассмотрел одну из закономерностей, лежащих в основе нарушений каузальности в художественном мире Хармса. По его словам, принцип «заражения» может проявляться в цепочках одинаковых мотивов с аналогичными объектами действия и в цепочках схожих мотивов. Принцип «заражения» может проявляться по-разному. К примеру, в точно повторяющихся мотивах с аналогичными объектами действия. Самым известным и ярким примером такой связи является текст Хармса «Вываливающиеся старухи».

Заседание завершилось докладом внучатой племянницы Даниила Хармса Марины Махортовой (Санкт-Петербургский техникум библиотечных и информационных технологий) «*Рождение Ювачева-сына*», чей рассказ касался биографии писателя. Опираясь на дневники отца Хармса, Ивана Ювачева и другие архивные материалы, Махортова коснулась взаимоотношений Хармса с семьей. Большое внимание было уделено роли матери в воспитании будущего поэта, противоречиям в характерах и жизненных взглядах родителей Хармса. Махортова отметила, что

биография матери, как правило, остается в тени при изучении жизни писателя. Забывается также, что единственным источником некомплементарной оценки личности Надежды Ивановны являются дневники ее мужа, Ивана Павловича Ювачева. В то же время письма матери рассказывают о счастливом детстве «Дани», его интересах, этапах взросления. Махортова призвала пересмотреть взаимоотношения Хармса с матерью, смерть которой, по словам исследовательницы, осталась для писателя «невыплеснутой» трагедией. Несмотря на отсутствие упоминаний об этом событии в записных книжках Хармса, в его корпусе текстов содержится ценное стихотворение, в котором отражены его переживания.

В конце конференции было зачитано приветственное письмо британского слависта, исследователя творчества ОБЭРИУ *Робина Милнера-Галланда* в адрес участников заседания. Отдельного упоминания заслуживает визуальное сопровождение мероприятия, отсылавшее к абсурдистским практикам обэриутов — музыкант и художник *Дмитрий Каховский* украсил аудиторию оригинальными портретами Хармса и Введенского, а также надписями «Три левых часа» и «стихи — не пироги, мы — не селедки». По материалам конференции запланирован выход сборника.

Тимур Хайрулин